

Сегодня. — 1996. — 29 марта. — с. 10

Сергей Бодров: я художник, делающий деньги

Около года назад по Москве прокатился слух о том, что известный русско-американский кинодраматург и режиссер Сергей Бодров скончался на чужбине, вдали от родных берегов. Вчера в московском Киноцентре состоялась премьера нового фильма Бодрова «Кавказский пленник», на которой присутствовал и сам режиссер — живой и бодрый.

Эльга Лындина

— И все же, как появилась эта странная версия, вырвавшаяся, кстати, далеко за пределы России?

— Слух добрался даже до Японии. Эта невероятная история помешала мне участвовать в рекламной кампании моего фильма «Я хотела увидеть ангелов», купленного японской компанией «Аплини». Президент компании Такаши Асай три месяца добивался для меня японской визы, а добившись, услышал, что меня нет в живых. Вряд ли после этого он станет искать деловые контакты с россиянами.

— Но вам удалось установить первоисточник слуха?

— На Сочинском фестивале меня искали некие богатые русские, желавшие заказать сценарий. Спросили моего же приятеля, сценариста и режиссера. Тот ответил, что я умер. Вскоре все кинематографисты скорбели по поводу моей кончины.

— Надеюсь, ваш приятель просто неудачно пошутил?

— Не совсем. В связи с моей смертью богатые русские заказали сценарий ему.

— Идея снимать «Кавказского пленника» родилась в связи с войной в Чечне?

— Идея родилась задолго до войны и принадлежит моему товарищу, партнеру, соавтору и продюсеру картины Борису Гиллеру. Борис приехал ко мне в Лос-Анджелес и предложил снять такой фильм. Действие происходит в наши дни.

— У Толстого одолжены только название и сюжетная конструкция?

— Ближко к тому. Толстовская история была актуальна более ста лет назад, увя, оказалась актуальна и сегодня. История о том, как легко купить, продать и убить человека. У нас несколько изменена мотивировка пленения русских. У Толстого их держат в ауле, чтобы получить выкуп, в нашем фильме они нужны для обмена.

— Вполне современный мотив: человек-бартер.

— Да. Два солдата, один — прапорщик, контрактник, человек войны. Младший — новобранец, попавший в плен, не успев понюхать пороха. Их держит у себя старик, сын которого попал в городе в тюрьму во время облавы... Американцы, которым история очень понравилась, предлагали снять рядом — в Мексике, например. Мы решили иначе, хотя, повторяю, было это до нынешней войны на Кавказе. Стали втроем писать сценарий — Борис Гиллер, Ариф Алиев и я. Тут и началась Чечня. Поначалу у нас было наивное представление, что, пока мы допишем, все закончится.

— Но вы решились снимать у нас.

— Да, хотя нас называли сумасшедшими. Мы выбрали Дагестан, аул под Дербентом, места потрясающие, но работать было очень тяжело. Перед отъездом на натуре поехали в московский госпиталь, где лежали раненные. Истории они нам поведали душераздирающие. Как их обманывали, заталкивали в самолет, сказав, что везут в Москву на парад, а парни практически не держали в руках оружия. В Чечне их сразу сажали на бронетранспортеры, бросали в бой. Взрыв. Солдат приходит в себя — у него нет ног.

— Стало быть, уезжали вы в определенном настроении?

— Иначе и быть не могло. При этом я не снимал публицистическую картину.

— Я думаю, она ближе всего к приче, насыщенной деталями наших дней. В той же манере играют актеры. Что, кстати, определило выбор исполнителей?

— На хорошие роли требовались хорошие актеры. Прапорщика сыграл Олег Меньшиков, на мой взгляд, один из самых интересных наших актеров, мне давно хотелось с ним поработать. Больше сложностей было с поисками актера на роль Ивана, младшего солдата, важна была органика в дуэте пленников, а те, на кого я возлагал надежды, ее не находили. Тогда я попробовал на роль своего сына Сергея. Он — искусствовед, закончил МГУ, занимается венецианской архитектурой XVI века. Вообще я всегда отрицательно относился к режиссерам, снимающим собственных детей. Но результат себя оправдал. Вписался в картину и двенадцатилетняя школьница из Дербента Сусанна Мехралиева, сыгравшая девочку Дину.

— Судя по нашей прессе, группа оказалась на некоторое время в заложниках у местных жителей?

— За несколько дней до окончания съемок в одной из московских газет появилась корреспонденция о работе над «Кавказским пленником», в которой автор весьма преувеличил бюджет фильма. У нашей группы были охранники — там иначе нельзя. Эти простые грубые люди получали немалые деньги, чтобы обеспечить нашу безопасность в прифронтовой полосе, где к тому же постоянно торгуют оружием. Но однажды московские друзья охранников, прочитав газету, сообщили им названные в статье цифры. Что тут началось! Это же Кавказ! По тамошней логике — задета гордость, честь, за дураков держат, раз мало платят. Они потребовали пятьдесят тысяч долларов, которых у нас просто не было. После чего была ночь, неприятная ночь под автоматами. К утру администрация собрала сколько-то денег, и нас выкупили. Дальше начался шум, вмешалась дагестанская милиция. Больше нам платить не пришлось, но стало понятно, что пора уезжать.

— Теперь вы можете назвать бюджет картины?

— Миллион долларов.

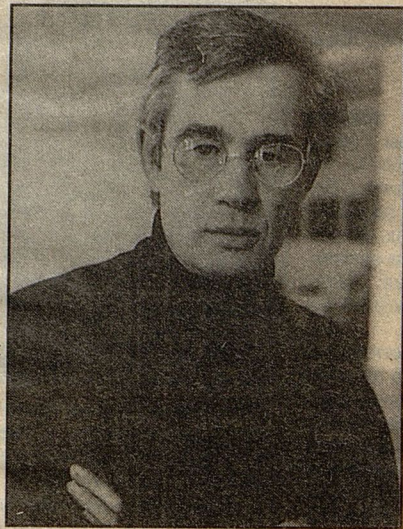
— Как вам работало в Америке?

— Я приехал в США к жене три года назад. Бывал там и до этого, иллюзий у меня не было. Американцы скептически относятся к европейским режиссерам. «Вы там, в Европе, художники, — говорят они. — А мы делаем деньги». Но меня знали — в Америке с успехом прошел мой фильм «Сэр», что, естественно, помогло: мой приятель, нью-йоркский режиссер, предложил мне написать совместный сценарий. Мы написали, после этого он уехал в Нью-Йорк, сказав, что хорошо бы мне найти два с половиной миллиона долларов, необходимых для съемок.

Не знаю, где бы я добыл эти деньги, но тут позвонили еще одни мои приятели — французские продюсеры. Словом, через несколько месяцев картина уже снималась, а в марте фильм вышел в прокат, называется он «Кто-то любит». Снимались звезды — Харви Кейтель, пуэрториканка Роза Перрес и легендарный Этони Куини.

— Мы увидим ваш фильм?

— Он уже шел в Москве по кабельному телевидению.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

— Уже украли?

— Естественно.

— Счастливым поворотом судьбы, подобный вашему, характерен для Америки?

— С выходами из России так бывает крайне редко. Но есть один существенный момент. Американцы хотят иметь с тобой дело, если ты ничего не просишь. Я приехал туда работать, а не просить, что им понравилось. После того как запустился в Америке моя картина, стали обращаться с просьбой продюсировать тот или иной сценарий, дескать, вот, приехал везучий человек.

— Вы снова год работали в России, так что можете свежим глазом оценить ситуацию в кинематографе.

— Одна из моих постоянных идей — хорошее кино зачастую делается сумасшедшими. Поэтому, как бы ни были драматичны нынешние кинопроблемы, такие сумасшедшие найдутся. Только нужно научиться снимать дешевые фильмы, а не тешить себя миллионными проектами.

К сожалению, сегодня российское кино не в состоянии вернуть затраченные на производство картины деньги. Роскино дает режиссерам средства из госбюджета, дает многим и понемножку. Из-за чего почти все эти фильмы останавливаются в производстве. Может быть, имеет смысл давать только десятки картинам, но доводить их до конца?

Что касается молодых, здесь, мне кажется, все неоднозначно. Оператор, успешно снимающий клипы, просит у меня сумму, которую я просто не могу ему платить. Он же отвечает: «Я на клипах зарабатываю тысячу долларов в день». Но клипмейкерство определенным образом формирует творческое мышление, — после этого вряд ли можно вернуться в кино.

Я снимал свою первую картину «Непрофессионалы» за сто тысяч рублей. Тогда это была одна пятая от утвержденной бюджетной стоимости фильма. Снял. Получал премии. В Америке студенты идут работать на картины вообще бесплатно — только бы заниматься профессией. Люди снимают, потому что не могут не снимать. Берут в руки видеокамеру и делают картину. Отчего так не происходит в России, где нет денег на дорогое кино?

Среди нового поколения, безусловно, есть способные люди. Но при всем хорошем к ним отношении не могу назвать ни одного, кто бы дебютировал подобно Даниэли, Шепитко, Климову, Панфилову, Соловьеву. Я уж не называю Тарковского. Между тем амбиции их очень велики. Но не оправданы результатами.

— Где вы будете теперь работать? В России? В Америке?

— Я убедился, что могу снимать и там, и здесь, и в Индии, и в Китае. А пока буду отдыхать — «Кавказский пленник» забрал много сил.